
РУССКИЙ ХУДОЖНИК В РОДНОМ ОТЕЧЕСТВЕ

(«Круглый стол» Совета по критике
Союза писателей России)

Фестиваль русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» традиционно включает в программу своих мероприятий круглый стол Совета по критике Союза писателей России. В текущем году обсуждались проблемы литературного процесса, ответ литературы на вызов времени.

Шесть докладов составили определенную панораму литературных явлений и были не похожи друг на друга по тематике. В Борисоглебск приехали авторитетные критики, прозаики и поэты — Виктор Кирюшин (Москва), Нина Ягодинцева (Челябинск), Василий Киляков (Москва), Михаил Хлебников (Новосибирск), Лидия Сычева (Москва), Людмила Шилина (Воронеж), о. Геннадий Рязанцев-Седогин (Липецк), Андрей Расторгуев (Екатеринбург) и другие писатели.

Совместная беседа продолжалась 3 часа. Доклады переплетались с живыми комментариями известных авторов, а литературная практика поверялась высокими смыслами, которые всегда было принято считать важнейшей частью творческой сверхзадачи.

Предлагаем читателям размышления участников дискуссии, их профессиональные наблюдения и настойчивые пожелания, которые органично перекликаются с художественными и духовными вехами фестиваля в старинном городе Борисоглебске.

*Вячеслав ЛЮТЫЙ,
заместитель главного редактора
журнала «Подъём»,
председатель Совета по критике
Союза писателей России*

Михаил ХЛЕБНИКОВ

(г. Новосибирск),

литературовед, критик,

член Союза писателей России,

кандидат философских наук,

и.о. главного редактора журнала «Сибирские огни».

ПЕЧАЛЬНЫЙ МИФ О НЕЧИТАЮЩЕЙ СТРАНЕ

Говоря о кризисе современной литературы, мы, как правило, ищем корни проблемы в себе — людях пишущих. Склонность к рефлексии, переходящая в классическое самокопание, делают литераторов ответственными за все беды мира, начиная с проблемы глобального потепления и вымирания редких пород грызунов. Не будем отказываться от своей весомой доли вины — о ней речь еще впереди — но посмотрим на ситуацию с другой стороны. В советскую эпоху было принято гордиться тезисом о самой читающей стране мира. В дне сегодняшнем мы сокрушаемся по поводу того, что Россия предала славное прошлое, перейдя в разряд стран нечитающих. По поводу первого утверждения имеются обоснованные, исторически подтвержденные сомнения. Но и второй тезис также далек от действительности. Но есть ли в этом основание для оптимизма?

Для того чтобы разобраться в проблеме, нужно пройти, точнее, пробежаться, учитывая ограниченность выбранного мною жанра, по истории книги, которая не всегда сводится к истории литературы. Рассуждая в категориях «золотой век», «шедевры мировой литературы» и даже «классика на все времена», мы забываем о том, что слишком самоочевидно. Литературу создают не только писатели, но и читатели. И произошло это не в самое далекое от нас время. Еще в восемнадцатом веке существовала особая иерархия литературы. Ее вершинами были исторические, философские трактаты, письма, мемуары. В наши дни мы называем это нон-фикшеном. Роман — основная единица литературы наших дней — существовал где-то внизу иерархии. Отмечу факт малоизвестный — рядом с романом находился еще один представитель мира «художественной литературы». Это была сказка. Отношение к ним было почти одинаковым. Причина тому простая и очевидная — романы, как и описание нелегкой судьбы девочки в красном головном уборе, были придуманы. Сюжеты их могли увлекать, книги хорошо продаваться, но читатель не воспринимал их в качестве какой-то ценности. Мода на то или сочинение, порою в нескольких томах, легко приходила, а потом еще быстрее уходила. Имена романистов выветривались из памяти, да и зачастую крупная форма печаталась без упоминания ее создателя. Конечно, и сегодня мы можем найти примеры книг без авторства. Но этим балуются как раз писатели, кто пытается заинтересовать читателя бросающей в глаза безымянностью своего гипотетического бестселлера. Обычно хитроумных, но, в общем-то, наивных интриганов никто не замечает. В эпоху маркиза де Сада сочинители считали: присутствие их имен на обложке мало что им дает. И это не знак какой-то особой скромности или застенчивости. Писатели восемнадцатого века «продавали» себя обществу несколько иначе. Например, ценилось внимание со стороны титулованных особ. Как ни странно, такая форма мягкого продвижения литературы приводила к тому, что облеченным властью персонам приходилось действительно читать и отзываться. Порою императоры, короли, ставшие невольными любителями и ценителями слова, вступали в переписку с сочинителями, подкрепляя репутацию последних.

Ситуация кардинально изменилась в позапрошлом веке. Литература усложняется, перестает быть только развлечением и одновременно невероятно вырастает число собственно читателей. Для нашего сегодняшнего сознания эти явления противоположны. Чем объясняется подобный парадокс? В учебниках литературоведения, которые мало кто читает, среди терминологического буйства присутствуют слова, имеющие отношение к реальности: жизнеподобие и типизация. Читатели неожиданно увидели в романах отражение действительности, а в его героях — самих себя. Последнее — не такая простая вещь. В девятнадцатом веке начался процесс «открепления» человека от традиционных маркеров. Но потребность в самоопределении никуда не ушла, она только усилилась. Именно литература и стала зеркалом, смотря в которое можно было увидеть и понять самого себя. Смотрение магически затягивало сильнее всякого авантюрного сюжета. Помимо самоопределения читатель узнавал в других персонажах знакомых, родных, друзей и врагов. Мир расколдовывался, книги представляли собой, говоря современным языком, открытый код, на основе которого можно было проектировать собственную жизнь. Понятно, что результаты неизбежно разнились. Рахметов из «Что делать?» Чернышевского толкал читателя в протестное движение, а малолетние поклонники жюльерновского Паганеля могли на всю жизнь заболеть географией и путешествиями. Чем велика литература позапрошлого века? Прежде всего — галереей героев, именами, переставшими быть исключительно книжными. «Мистеры Пиквики», «Настасьи Филипповны», «Гобсеки», «Наташи Росто­вы» обрели человеческую плотность и плотность. Великие народы вступили в необъявленную войну, в которой не уничтожали, а напротив — шло соревнование по созданию героев и образов. Неожиданно для всех в эту битву вмешались русские, до этого просто отсутствовавшие на поле боя. Историки и сегодня спорят о том, кто — французы или русские одержали победу, или не проиграли в Бородинском сражении. Но вот русская литература девятнадцатого века выиграла словесную войну вчистую, накрыв сознание современников мощными крупнокалиберными залпами «Войны и мира», «Братьев Карамазовых», точными картечными попаданиями Гоголя и Чехова.

Что мы видим сегодня? Основная проблема не в том, что наши соотечественники перестали читать, а в том, почему и что они читают. Чтение — социальный навык, от которого, будем откровенны, избавиться не так уж и легко. Ссылки на низкие тиражи должны быть скорректированы количеством изданий, огромным рынком легального и теневого цифрового контента. Утверждение, что читатель исчез, — верное и ложное одновременно. Растворяется или почти растворился «свободный читатель». Большинство потребителей книжной продукции расписаны, прикреплены к тем или иным жанрам. Но границы жанра означают не только внутреннее деление, а общее отношение к действительности. Слово перестало соотноситься с нашим миром. Чтение снова, как и в позапрошлом веке, превращается в форму развлечения. Отмечу, что сегодняшняя критика все реже обращается к понятию «фальшивость», которое было в ходу еще лет сорок тому назад. Именно оно выступает противоположностью жизнеподобию. Его отсутствие не означает, что современная литература не знает такой проблемы. Напротив, современный читатель все меньше нуждается в таком критерии. Он не желает видеть, прочитывать себя или постигать с помощью книги наше нелегкое время. Литература должна развлекать, уютно, нестрашно пугать, смешить, быть приятной для сознания. На первый план уверенно выходят такие жанры как фэнтези, любовные романы, книги для подростков. Давайте остановимся на первом названном направлении.

Если присмотреться, то бескрайний поток эпосов о владельцах волшебных мечей, магических посохов и прочей картонной бутафории берет свое начало в лите-

ратурной сказке времен Шарля Перро. Но и здесь есть элемент явного снижения. Вещ чаще предметом вдохновения для творцов книжных по форме саг выступают нелитературные источники — фильмы, сериалы, компьютерные и настольные игры. Подобная «помотивность» еще больше придает современным рыцарским романам оттенок безнадежной, тусклой вторичности. Жанровых книг много, имена же практически отсутствуют. Большинство ценителей «меча и магии» читают не конкретных авторов, а серии, ориентируясь на ключевые слова.

Люди старшего поколения помнят замечательную формулировку — «книга, которая перепахала». Сегодня это звучит слишком сильно и как-то снижено, по-крестьянски. И здесь разница между «тогда» и «сегодня» фундаментальная. Книжки меняли сознание, изменения в сознании приводило к тому, что мир приобретал новые черты. В нынешние дни чтение приводит к тому, что ментальный побег может сопровождаться даже физическими действиями. Облачившись в купленные на маркетплейсах аутентичные наряды и доспехи из особо прочного пластика, рыцари, пажи, прекрасные дамы, стрелки из луков с помощью пригородных электричек перемещаются на лоно дикой природы. Там, распугивая мирных туристов и приводя в бешенство спокойных до того клещей энергичным пением гимнов и постановочными боями, адепты жанра реализуют накопившееся за долгие месяцы офисных страданий желание соответствовать своим любимым героям. После лесных подвигов бывшие трубадуры тихо возвращаются на место своей постоянной работы.

Каковы варианты действия для писателей? Их три, и они понятны. Есть вариант для отчаянных эстетов. Отвернуться в печали от картины падения и забвения и попытаться усложнить Джойса, рассчитывая на понимание со стороны таких же тонких ценителей словесного чародейства. Прекрасно, если последние заседают в жюри какой-либо денежно приятной премии. Как видите, и здесь не обходится без элементов волшебства. Премияльный процесс — отдельный и печальный разговор. Внешне с этим все обстоит хорошо. Число премий и конкурсов предоставляет авторам возможность несколько раз заходить в «бурные премиальные воды» со своим творением, рассчитывая на то, что оно рано или поздно будет оценено по достоинству. Проблема лишь в том, что в большинстве случаев такие награды имеют «непреходящее нематериальное выражение» и сводится к выдаче похвального листа и «памятного сувенира». Все больше авторов может похвастаться пригоршней премиальных значков и солидной стопкой дипломов. Если арифметически сравнивать победы в литературных конкурсах и премиях с количеством читателей того или иного многократного чемпиона, то любители изящной словесности, как правило, оказываются в досадном меньшинстве.

Реалисты согласны с диагнозом эстетов, но готовы принять правила игры. После внимательного «с карандашом» изучения многотомья Толкина, Сапковского и Мартина автор начинает лепить свои «уникальные миры» и, стыдливо оглядываясь, размещать их в сети. Здесь, на таких площадках как `author.today`, начинающий творец — этот статус присваивается после написания примерно пятнадцати романов — вступает в увлекательную гонку за читательское внимание, за который маячит такое притягательное и сладкое понятие как монетизация.

Последний вариант выхода — самый скучный и потенциально бесплодный. Писать так, как если бы существовал читатель, способный увидеть в вашем романе или рассказе себя, узнать свое время. Из относительных бонусов подобного подхода — все меньшее число авторов, которые работают «по старинке». Но тут маячит неприятный вопрос: остались ли в реальности, кто сможет прочесть и увидеть? Зачастую мои исторически подкованные и эрудированные коллеги проводят оптимистическую аналогию с послереволюционными годами, когда была преодолена не только экономическая, но и культурная разруха. И выразилось это в

кратном увеличении числа читателей. Другими словами, системное воздействие в состоянии решить эту проблему. Все это так, исключая один важный момент. Культурная работа шла в отношении людей, большинство из которых представляли собой «чистый лист». Им предлагался определенный литературный пакет, состоявший из народного издания Пушкина, журнала «Безбожник» и брошюры о колхозном строительстве. Александр Сергеевич в сознание вращал хорошо, формируя базу, основание для дальнейшего книжного восхождения. Сегодня же мы имеем дело с аудиторией, которую, к сожалению, нельзя назвать полностью незнакомой с миром литературы. Им комфортно с тем, что у них есть, к остальному же она не испытывает ничего, кроме равнодушия.

И еще немаловажное: насколько у нас самих хватит желания писать, несмотря на превосходящие силы действительности. Ведь когда мы привычно говорим, что наши современники перестали читать, мы имеем в виду, что не читают именно нас.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

(г. Челябинск),

*поэт, член Совета по критике Союза писателей России,
кандидат культурологии, профессор Челябинского
государственного института культуры.*

КООРДИНАТЫ БОЛЬШОГО СТИЛЯ: ВРЕМЯ, ЧЕЛОВЕК, ПОСТУПОК

Практически каждый серьезный разговор сегодня начинается с констатации того, что в мире происходят существенные перемены, и далеко не всегда во благо человеку. Но именно это побуждает нас к осмыслению происходящего, выбору того или иного пути, активному действию в достижении цели.

Мы подошли к тому моменту развития, где отчетливо обозначилась развилка эволюции, точка бифуркации, выбора пути на долгий период. Обычно такая точка заставляет выбирать из целого веера вероятностей, возможностей — есть основные, магистральные, есть менее приметные, дополнительные. В этот раз мы оказались в той точке, где вероятности расходятся в прямо противоположные стороны: это развитие самого человека или развитие технологий и передача большинства человеческих функций, в том числе мышления и действия, машинам — то есть речь идет о трансгуманизме, о тупике развития человека и человечности.

Осознаем ли мы всю глобальность этого выбора? Да, безусловно. Понимаем ли, что у нас по сути только один путь — развитие человеческого в человеке? Да. Не хватает, быть может, только одного: понимания, что человек творит свою историю сам, и выбор между трансгуманизмом и гуманизмом — это всего лишь выбор между двумя проектами, один из которых уже активно разворачивается, а второй только еще медленно осмысливается как шанс прорваться в будущее.

Собственно, все, что происходит вокруг нас и с нами, — составляющие разного рода проектов, и если у нас такого проекта нет, значит, мы становимся расходным материалом для проектов чужих. Но как только мы — общество, страна, государство — замысливаем свой проект и из объектов воздействия становимся субъектами действия, меняется все. Это уже победа, переход из состояния жертвы в состояние героическое, то есть сопротивление превосходящим по силе обстоятельствам; от принятия чужой воли к излучению воли собственной, а значит — и жизни.

Не это ли произошло в Великую Отечественную, Победа в которой остается Великой вот уже 80 лет? Да, фашисты напали на Советский Союз — у них был проект мирового господства, но у нас был свой проект будущего, и центром советского проекта был выбран человек, личность, ответственная за себя, страну, человечество.

Идея человека как средоточия смыслов, существа космического, проходит через всю русскую литературу, начиная с фольклора, где архетипом является человек с двумя телами, разделенными только кожей — один — маленький — внутри, другой — безграничный — все, что вокруг. Это модель личности — цельного и целостного человека, представляющего Универсум в тварном мире. Идея личности идет из корней нашей культуры, прорастает через золотой век русской литературы, делая знание о человеке живым, объемным, всеобъемлющим, цельным.

Советский проект воплощения целостной личности, способной всю свою волю концентрировать и направлять к цели — во многом увенчался успехом, а создавался этот человек при помощи Слова, при помощи литературы, поскольку именно слово является инструментом построения сознания, формирования личности, и высшей формой существования слова творящего для нас является художественная литература

Мы пережили непростые 35 лет, медленно и тяжело приходя в себя после чудовищной травмы великого национального предательства. И сегодня мы снова обретаем смысл, силу и способность быть субъектами исторического процесса. Наш проект по-прежнему — человек, личность. Наш инструмент по-прежнему Слово, литература.

В сентябре 2024 года в Москве прошла масштабная конференция литературоведов, критиков и литературно-творческих педагогов «Большой стиль». На этой конференции русская идея личности снова прозвучала из уст ведущих критиков. Летом 2025 года вышел сборник докладов и сообщений. Особенно яркой и важной нам представляется мысль доктора филологических наук, профессора Анатолия Андреева о том, что эта идея является наиболее привлекательной не только для представителей нашей культуры, и это возможность объединить все здоровые силы человечества для преодоления опасных кризисных процессов, разворачивающихся сегодня на наших глазах.

В заглавии нашего доклада даны три координаты Большого стиля: время, человек, поступок. Первая из них — время. Время Большого стиля всегда рубежное, требующее от человека максимальной воли к жизни. Настоящий момент мы вполне можем охарактеризовать как рубежный, когда уже нельзя сделать вид, что не понимаешь происходящего, когда старающийся спрятать голову в песок выглядит примерно как страус на асфальтовом шоссе.

Вторая координата Большого стиля — человек. Мы очень много говорим о его цельности и целостности, а в чем ее смысл, почему она оказывается так важна? Речь идет о внутренней полноте и гармонической согласованности Микрокосма личности. Целостный человек воспринимает и мир как целое, сложное, взаимосвязанное и — главное — связанное с самим человеком. Следовательно, не борьба за ресурсы и упреждающая агрессия, не стратегия выживания в мире, полном врагов, а постепенное вхождение, в целое Мироздания, освоение его сложнейших законов и принципов и исполнение своего предназначения в этом большом мире, ведь если он целен, согласован, един, — ты не можешь быть в нем случайным, ты можешь быть только необходимым. Решив проблему целостности человека, мы решаем целый комплекс проблем социальных и общечеловеческих.

Вот Пушкин — за что он так любим, почему он по-прежнему наше все и наша надежда на будущее? Пушкин несет в себе такую гармонию, которая позволяет опуститься в самые глубокие и темные бездны — и не погибнуть, подняться в са-

мые высокие выси — и не сгореть... То есть гармония — это не только про красоту, это про максимальную силу, энергию, ровно распределенную в системе и производящую обманчивое впечатление легкости.

Целостный человек — это как правильно собранная электрическая схема, где провода не висят, разлохмаченные, где не искрят соединения, где энергия не пропадает, не становится причиной пожара, а работает ровно, сильно и направленно, с постоянным напряжением воли.

Системное образование у нас разрушено — это давно не секрет. Ставка сделана на хаотическую информацию, на атомизацию социума, личности, мышления. И сыграла эта ставка потому, что игроки использовали соблазн и опирались на слабость. Воздействуя на маленького человека, она делала его все меньше и меньше, беспомощнее и беспомощнее. Потому что это чужой проект, для которого мы и наши дети — расходный материал.

Обратите внимание, как много в последнем десятилетии стало произведений о людях странных, не то чтобы слабых, а каких-то искаженных, деформированных, маргинальных личностях, появилась литература «травмы», в которой главная идея не столько изживание неизбежной в жизни каждого человека боли, сколько нахождение и обвинение виновника, нанесшего травму, и бесконечное расчесывание болячек. Но я с радостью вижу, как идея созидания, преобразования расходится подобно кругам по воде и находит отклик у многих и многих — значит, время пришло, и злонамеренный инфантилизм, выученная беспомощность, бессмысленная жертвенность постепенно вытесняются из нашей жизни.

Большой стиль — большая ставка, поворот неблагоприятных обстоятельств во благо и опора на силу. Человек из потребителя должен превратиться в созидателя, из страдающего обывателя — в действующую личность, из материала для чужого проекта — в автора проекта собственного, из маленького себя — в себя космического. И это — задача литературы. Приведу потрясший меня в Дагестане факт: на Чиркейской ГЭС, где в результате землетрясения 1967 года одна сторона гигантской плотины вместе со скалой отошла от тела горы. Это грозило страшными бедами людям, жившим ниже по течению, и советские инженеры сумели так пришить отколовшуюся скалу вместе с краем плотины обратно к горе, что плотина выдержала следующее землетрясение 1970 года.

И наконец, третья координата — поступок. Какого качества он должен быть, чтобы соотноситься с Большим стилем? Первое, конечно, это личная воля — ее присутствие, ее напряженность и устремленность. Но этого недостаточно. Сильная личная воля может быть направлена на захват ресурсов, устранение конкурентов, она может питать ненависть и приводить к самоуничтожению...

Воля целостной личности всегда вписана в макросистему Универсума, согласована с ней — это воля к жизни, но никак не воля к смерти своей или чьей-либо. За счет этой космической согласованности ресурс личности усиливается многократно, и поступок ее возрастает в своем значении, даже если он исключительно личный. Помните подвиг Матрены Вольской, учительницы, которая, сама беременная, 200 километров вела колонну детей из оккупированной фашистами Смоленской области, откуда их должны были вывезти в Германию в качестве рабов, на нашу территорию? Это было в 1942 году, и было ей 23 года. Собирая детей из деревень по пути, три учительницы, которым не было еще и 25 лет, вывели из оккупации более 3000 русских детей. Вот эта согласованность воли большой и малой цельностей, которая дает силу необыкновенную, это принятие человеком космической ответственности за свои поступки — и есть Большой стиль.

Я говорю сейчас не только о литературе, но прежде всего о жизни, потому что Большой стиль — это и стиль жизни, система характерных принципов, отличающих один способ жить от другого. Большой стиль проявляет себя во всем — в ли-

тературе, разумеется, в музыке, архитектуре, живописи, театре — но и в промышленности, и в освоении и облагораживании пространства, и в помощи братьям нашим меньшим. Большой стиль потому и большой, что он всеохватен, но главный его инструмент — литература, и большим должно стать прежде всего Слово.

Ощущение себя Большими — в нашей крови, в нашей генетике, и навязанный нам инфантилизм уходит перед лицом грозных обстоятельств Истории.

Обозначение координат, конечно, не исчерпывает огромного пространства возможностей русского проекта личности. Но, смею надеяться, дает точки опоры в выстраивании нашей стратегии жизни и всестороннего творчества, которые в рамках Большого стиля по сути являются синонимами.

Людмила ШИЛИНА

(г. Воронеж),

прозаик, публицист, лауреат многих литературных премий и конкурсов, член правления Воронежской организации Союза писателей России, член Союза журналистов России.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

11

июля 2025 года вышел Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной языковой политики Российской Федерации». В нем в разделе «Задачи государственной языковой политики» среди других задач упоминается:

«...м) поддержка современного литературного творчества, сочетающего высокую художественную ценность и гражданскую позицию, совершенствование системы книгоиздания и книгораспространения в Российской Федерации;

н) обеспечение высокого художественного и нравственного уровня книг для детей, повышения доступности детской литературы, приобщение детей и их родителей к лучшим произведениям отечественной и мировой литературы».

Эти два небольших абзаца в Указе говорят о многом. Вопросы и проблемы литературы для детей всегда волновали общественность — и родительскую, и педагогическую. И, конечно же, самих писателей, пишущих для детей. Что сегодня происходит в этом направлении в нашей стране? Положение дел достаточно непростое. И оно отражает политические и социальные процессы, которые идут в стране сегодня.

Осенью 2024 года в сфере детской литературы произошло событие, взволновавшее общественность. Некто Николай Нилов, представляющий Совет по детской книге при СП РФ (хотя есть такой Совет, давно организованный Сергеем Михалковым), заявил, что «около 60 процентов детских книг строго соответствуют пяти деструктивным направлениям, каждое из которых формирует определенные негативные установки в сознании детей». При этом самого исследования никто не видел, а на запрос нескольких организаций предоставить это исследование ответ не был получен.

Когда Нилова все-таки вынудили продемонстрировать это исследование, то выяснилось, что под этим подразумевалось что-то вроде читательского дневника, небрежно оформленного. К тому же обвинитель — далеко не эксперт в данном вопросе. Но маховик уже был запущен, этот анализ быстро подхватили чиновники, представители массмедиа и начали спекулировать на теме, не имея ни малейшего представления ни об авторах, ни о книгах, ими написанных.

Опубликованные выводы этого исследования Совета по детской книге о современной детской литературе вызвали крайне отрицательную оценку со стороны профессионального сообщества (авторов, издателей, библиотекарей) и широкой аудитории специалистов (психологов, филологов, педагогов, лингвистов).

В ответ на «исследование вредной детской литературы» отраслевое сообщество инициировало Открытое письмо детских издателей, писателей, специалистов по детскому чтению с запросом раскрыть материалы исследования для всего профессионального сообщества. Письмо было опубликовано на сайте журнала «Книжная индустрия». Пришлось всем этим ключевым институтам и заинтересованным лицам заняться не своим прямым делом по созданию хорошей детской книги, а круговой обороной и привлечением союзников.

22 ноября в «РГ» поступило официальное письмо из Российского книжного союза, в котором сообщалось, что после совместного обсуждения руководители Российского книжного союза и Союза писателей России пришли к заключению, что результаты данного исследования и его обобщающих выводов некорректны и ни при каких обстоятельствах не могут быть использованы. Письмо опубликовано на сайте РКС.

В официальном письме приводится комментарий бывшего председателя правления Союза писателей России Николая Иванова: «Союз писателей России разделяет ценности и задачи Российского книжного союза и экспертов книжной отрасли по развитию детской литературы, популяризации чтения, поддержке современных российских авторов, продвижению традиционных ценностей и патриотизма. Первоначальные выводы исследования детской литературы, которые были частично опубликованы в ноябре 2024 года, нуждаются в доработке и корректировке с привлечением дополнительных источников информации. Все последующие аналитические работы Союз писателей России планирует проводить с привлечением широкого круга экспертов на основе диалога и конструктивного взаимодействия».

Сторонами было принято решение о необходимости продолжения диалога и консолидации усилий для укрепления позиций современной российской детской литературы, популяризации чтения, продвижения традиционных ценностей через книги, которые формируют нравственные ориентиры и воспитывают подрастающее поколение.

Тем временем, в докладе Минцифры о состоянии книжного рынка за 2024 год приводится такая статистика по детской книге: с 2019 по 2024 год количество наименований снизилось на 7 процентов, тиражи упали на 26 процентов. И это, безусловно, свидетельствует о проблемах, связанных не только с удорожанием издания книг.

Когда я начинала писать для детей, перспектив для российских детских писателей не было вообще. В 2010-х годах в книжных магазинах в разделах книг для детей плотными рядами стояла зарубежная классика, советская классика и современная переводная литература. наших соотечественников — современных авторов, пишущих для детей, на этих полках почти не было, за исключением нескольких имен. А вот сами авторы и тексты, ими написанные, уже были.

Потом появился конкурс «Новая детская книга» (НДК), премия Крапивина, где я попала в полуфиналы, я участвовала в семинарах для детских писателей. Окрыленная этим успехом, я стала посылать свои тексты в издательства. Мне отвечали: нам понравилось, но издать не можем — родители и старшее поколение не знают и не хотят знать современных отечественных авторов, а потому вашу книгу просто не купят. Издатели были правы, книги современных авторов тяжело расходились. Поэтому я и начала с самиздата. Так хоть некоторые мои книги увидели свет. Их читали, они быстро раскупались, меня просили подпечатать. И

если я стала писать прозу в начале 2000-х, то первая книга рассказов для детей вышла в 2011 году.

Это был длинный путь, требующий стойкости и веры в себя. До финиша доходили те, кто продолжал идти, несмотря на все неудачи, и работать над собой. Мы не то чтобы открыли дверь, мы проломили лбом стену. Мы писали книги не ради гонораров и славы, их особо и не было. И сейчас нет. Детлит для большинства населения нашей страны остается неизвестной и малоинтересной территорией. Мы не нужны были государству, нас не звали на центральные каналы, не рекламировали, не снимали фильмы или мультфильмы по нашим произведениям.

Но вот, наконец, все начало меняться. Появились разнообразные семинары, оплачиваемые резиденции для писателей, денежные премии... И тут же выяснилось, что многие родители боятся давать детям книги современных писателей — они их не знают, плюс считают себя не совсем компетентными в этом вопросе, родителям нужно одобрение знающих людей. Тем не менее, современные писатели — такие же обычные читатели и обычные родители самых разновозрастных детей. А еще часто их работа связана с детьми. Поэтому они прекрасно отдают себе отчет: и какие сейчас дети, и что их беспокоит, а также о чем с ними можно говорить и как.

Вот, к примеру, книги, появившиеся в последнее время, на волне привлечения интереса к Великой Отечественной войне. У них примерно одинаковые названия о героизме бойцов, о детях-героях и т.п. Книги с такими названиями и соответствующим содержанием сегодняшние дети читать не будут. И это один из многочисленных вызовов времени, которые встали перед детскими писателями в полный рост.

Подобные книги хороши не для детей, а для всевозможных отчетов или для освоения грантов. Польза от них небольшая. Кстати, это мнение писателя, участника СВО Дмитрия Артиса, впервые написавшего книгу для российских детей о том, как живут дети в городах и селах, где идет война. Необходимы другие книги, в которых через художественное осмысление рассказывается о детском героизме. Книги с хорошим, увлекательным сюжетом и написанные внятным языком, без лишних мудрствований и лозунгов. Это непростой труд — написать о важном так, чтобы было не оторваться.

Если государство обеспокоено состоянием детской литературы (о чем говорит создание одного Совета за другим), необходимо не просто множить некие надзорные структуры, а дать стипендии авторам, номинации в больших конкурсах, организовать издательство, которое будет выпускать книги под госзаказ, гранты для библиотек, особенно для школьных библиотек, чтобы эти книги туда поступали.

Современный литературный процесс в детской и подростковой литературе должен быстро реагировать на изменения в мире и запросы читателей. Век цифровых технологий и социальных сетей, задачи, связанные с экологией, политикой и социальными проблемами, находят отражение в современной литературе, которая становится более разнообразной, инклюзивной и ориентированной на диалог с молодым поколением.

Сегодня перед авторами, издателями и педагогами стоят новые вызовы: как увлечь чтением поколение digital natives (цифровых аборигенов), как говорить с детьми на сложные темы и как сохранить традиции, оставаясь актуальными. Литература для детей и подростков продолжает меняться, и важно, чтобы эти изменения шли в ногу с запросами нового поколения. Это сегодня уже не подлежит сомнению.

В настоящее время очень нужны книги для детей о современных героях России, и речь не только о военных, участвующих в спецоперации. Подвиги совершают летчики, сотрудники МЧС, полицейские и даже простые мальчишки и дев-

чонки. Однако многие наши детские писатели говорят, что они вне политики. Невозможно представить, чтобы в начале Великой Отечественной войны так сделали Михалков, Маршак, Катаев, Кассиль, Барто и другие классики советской детской литературы. В отличие от нынешних писателей они четко понимали воспитательную функцию детской литературы и то, что литература — это важный инструмент для работы с подрастающим поколением.

И если о любви к Родине, гордости за достижения соотечественников и великой истории нашей страны, готовности защищать Отечество с нашими детьми не будут говорить российские писатели, то на их место придут писатели иностранные со своей конъюнктурой, не всегда соответствующей национальным интересам нашей страны и ее культурным ценностям. Что и произошло, и эта проблема так никуда и не делась.

Правда, справедливости ради, нужно отметить, что писать на тему СВО, тем более для детей, могут далеко не все. Она сложна, трудоемка, много времени займет только сбор фактического материала. И еще нужно буквально гореть этой темой, жить ею. Это неподъемная задача для многих писателей. А для тех, кто все же решил написать детскую книгу или книгу для подростков/молодых взрослых о том, как живут их ровесники в зоне проведения СВО, возникает другое препятствие, более существенное: издание такой книги.

Я приняла участие в дискуссии, которая состоялась в июне на фестивале «Красная площадь», и рассказала о безуспешных попытках издать свою книгу, где объясняю молодежи, что же все-таки произошло в соседней стране, касаясь и вопросов истории, и сегодняшних событий. Только после вмешательства тех, кто мог напрямую книгу рекомендовать в издательство, их откликнулось сразу несколько. И как должен себя чувствовать писатель, проделавший гигантскую работу и написавший книгу на эту сложнейшую тему, если он не получил от десятка издательств ни ответа, ни привета? Вопрос риторический.

Современную детскую литературу потому и не знают (и не говорят о ней), что она беззуба и не откликается на происходящее в стране, волнующее людей. И не только писатели в этом виноваты. Бесконечные истории о котиках, единорогах и феях, о попаданцах, драконах и колдунах, которые издать в разы проще, сегодня переполняют издательские портфели. Однако эти произведения не расскажут ребенку о том, что сейчас происходит с его сверстниками, родителями и всей страной.

Такие книги не откликаются на основную потребность детей — задавать вопросы и получать ответы на них. Прямые, четкие, но в то же время бережные, с учетом возрастной психологии. И кто, если не писатель, сможет с ним об этом поговорить. Но тогда нужно пересматривать всю издательскую политику в отношении детской литературы. Но пока мы видим только благие намерения.

Замалчивание проблем не ведет к их исчезновению. И когда большинство телевизионных сюжетов посвящено насилию и смерти, у детей должна быть возможность озвучить свои страхи, поговорить о них. Эту задачу в какой-то мере выполняет детская литература на «сложные темы». Детей невозможно заставить читать то, что им не нужно, не интересно. Если проблемная литература востребована, значит, есть дети, которым она нужна.

Сложные темы в литературе необходимы. Ребенок обязательно встретится с ними в жизни; лучше, если у него уже будет опыт обсуждения, проживания этих историй в литературе. Столкнувшись с серьезной проблемой, ребенок может найти размышления на сходные темы в книгах (не готовые ответы, но именно размышления — решение ему все равно придется принимать самому). Любопытный психолог скажет, что растить ребенка в оранжерейных условиях, в абсолютно дистиллированной среде — вредно и опасно; он останется беззащитен, не выработает иммунитет.

Контролировать детскую литературу хотят творческие союзы и научные институты, Министерство культуры и Госдума. Но детская литература нуждается не в контроле, а в поддержке: детские книги, если это художественная литература, а не прикладные учебные пособия, издаются крошечными тиражами: 3000 экземпляров — таков стандартный тираж детской книги; это капля в море даже в масштабах Москвы, а не всей страны.

У многих семей не хватает денег на покупку детских книг, самоназначенные эксперты пугают страну опасностью детских книг то для психики, то для здоровья, то для жизни. Родители, которым и так не слишком легко разобраться в этих коллизиях, машут рукой и говорят: «Лучше читать старые проверенные советские книжки». А они, увы, от современного ребенка все дальше и дальше.

Сегодня перед современной детской и подростковой литературой стоят, пожалуй, самые серьезные вызовы за последнее столетие.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Дети и подростки проводят больше времени в соцсетях и играх, чем с книгами. Конкуренция с цифровыми развлечениями пока нами проиграна. Необходимо активнее использовать и осваивать новые медиа, включая электронные книги, интерактивные приложения, веб-комиксы и видеоблоги, расширять границы читательского опыта и делать литературу более доступной и интерактивной.

Кроме того, хорошо бы придать чтению игровую основу (приложения вроде «Bookmate» с достижениями), использовать короткие форматы (рассказы, комиксы).

ОБРАЩЕНИЕ К СЛОЖНЫМ ТЕМАМ

В современной литературе для детей и подростков все чаще затрагиваются темы, на которые раньше накладывалось табу: социальные проблемы, экологические катастрофы, политические конфликты, психологические травмы, смерть и утрата. В литературе для детей и подростков все больше внимания уделяется вопросам инклюзии, жизни представителей разных рас, культур, людей с инвалидностью.

Если раньше детская литература ограничивалась сказками и приключенческими историями, то сегодня она охватывает широкий спектр тем:

- социальные проблемы (буллинг, эмиграция, инклюзия);
- психологические трудности (тревожность, отношения в семье);
- фантастика и антиутопии (как метафора современных страхов и надежд).

И из этого направления вытекает совсем новое — я бы даже сказала, экзотическое.

БИБЛИОТЕРАПИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ОТ ПТСР

Причины ПТСР (посттравматического стрессового расстройства) — природные или техногенные катастрофы, террористические акты, несчастные случаи, пережитое физическое, сексуализированное или психологическое насилие, смерть близкого человека, длительные и тяжелые заболевания, хирургические операции и другие медицинские манипуляции. У жертв вооруженных конфликтов шанс получить ПТСР удваивается.

Неожиданно, но многие бойцы старших призывных возрастов признавались, что читают во время короткого отдыха детские книги. Они напоминают им о доме, семьях, детях.

К сожалению, от ПТСР страдают не только те, кто воевал, но и гражданские лица на территориях, где проходит СВО. И тем более — дети. И в этом направлении как раз предстоит много работы, нужны будут веселые светлые истории, написанные современными писателями.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Растет количество литературных конкурсов и проектов, ориентированных на поддержку и развитие творческого потенциала детей и подростков. К примеру, прекрасный конкурс «Класс!», в котором я член жюри регионального этапа. Правда, здесь тоже хотелось бы большей чистоплотности в отношении членов жюри. Люди, подписавшие «нетвойнистские» письма, не скрывающие своих, скажем прямо, антигосударственных взглядов и радикально настроенные, не стесняются зарабатывать на таких конкурсах, и их книги по-прежнему издаются.

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ И МУЛЬТИМЕДИЙНОСТЬ

Современные дети растут в цифровой среде, поэтому литература адаптируется: — издаются книги-квесты (например, серия «Выбирай свою историю»); — книги с дополненной реальностью (AR-книги с анимацией и звуком); — аудиокниги и подкасты.

Очень интересны интерактивные познавательные книги издательства «Вверх». И это направление нужно будет развивать.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЧТЕНИЯ

Различные акции и проекты направлены на повышение интереса к чтению у детей и подростков, включая книжные фестивали, встречи с авторами, буктрейлеры и книжные блоги. Есть прекрасные книжные блоги, которые ведут сами дети. Но здесь тоже есть опасность пригласить на такой фестиваль писателя, который сообщит детям, что «Россия — агрессор».

Современная детская и подростковая литература не просто развлекает — она помогает юным читателям понимать мир и себя. Ее главная задача сегодня — оставаться честной, инновационной и доступной, несмотря на все вызовы цифровой эпохи. Современные авторы детской и подростковой литературы все чаще играют роль наставников, психологов и проводников в сложном мире. Они пытаются помочь молодым читателям разобраться в себе, своих чувствах и эмоциях, найти ответы на сложные вопросы, научиться критически мыслить и адаптироваться к меняющимся условиям. Им только не нужно мешать.

Василий КИЛЯКОВ

(г. Электросталь Московской обл.),

прозаик, поэт, публицист, член Союза писателей России, лауреат Международного литературного форума «Золотой Витязь», Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» издательского совета Русской Православной Церкви.

ЛИТПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ

Д

ар писателя состоит в умении точно определять явление, хорошо описывать и создавать образ. Выводы из прочитанного, как принято считать, читатель делает сам. Понятно, что собственные и независимые впечатления от книги у читателя, умозаключения, навеянные прочтением, тем интереснее и пронзительнее, чем больший дар определен писателю природой и чем он более мастеровит. И вот тут — весьма характерное для нашего времени, что я

заметил как участник жюри нескольких фестивалей и конкурсов в области литературы: все больше и все чаще поступают для рассмотрения работы не художественного, а очерково-газетного исполнения именно под видом художественных работ. Причем — как в поэзии, так и в прозе. Может, таким образом и кратчайшим путем — «в лоб» — некоторым конкурсантам кажется удобнее донести мысль до читателя? А может, иное: ставшие газетчиками считают, что будет гораздо престижней, если говорить о них станут как о писателях. Тогда вполне понятна и объяснима эта бедность художественных образов и характеров при таком бесконечном наплыве всякого рода работ. Странно другое — почему пишущие и присылающие на конкурс работы не понимают простой, даже элементарной истины: чем меньше авторской и особенно назидательной речи, тем сильнее впечатление от произведения. Между тем, хроническая болезнь нынешней литературы — это включение (даже в диалог, в прямую речь) строк из учебников истории, кодексов права, социологии и так далее. Даже — в стихотворные строфы ухитряются вмещать такое и зарифмовать. Причем, эта беда не только начинающих пиитов.

Или вот что еще. Читаю, например, 28 июля 2025 г. на сайте СП России такие строки одного поэта, литературоведа с огромным стажем, в том числе премиальным:

Свои души раскрыв, как мошну,
Где хранились краюшки достатка,
Вся Россия идет к Шукшину,
Отдавая себя без остатка.
Несть в Отчизне талантам числа!
Только нет им — и ходу.
Затопили страну волны зла.
Чем спастись народу?

(Выделено авт. — В.К.)

Дело тут не только в нечувствительности к слову и явной спешке, не только в том, что «души мошна» — сомнительный образ; очевидно также, что и рифмовать «мошну — Шукшину» — тоже идея сомнительная, а применительно к Василию Макаровичу прямо-таки дурновкусная. А «затопили страну волны зла» — типичный публицистичный штамп.

И вот читаешь подобные прямолинейные вирши — или, столбец за столбцом, очерковые колонки, выдаваемые за рассказ; страница за страницей это — морализаторство и газетчина в худшем варианте. Например, воин отправляется с любимой девушкой на вокзал, отбывает на линию фронта, они едут рука в руке, тут бы и дать нечто сокровенное, жест, сбивчивое дыхание, горькую слезу... А герои видят на площади трех вокзалов в Москве памятник Павлу Мельникову, и на несколько страниц идут рассуждения о памятнике, кем и в каком году создан. Или вокзал... и давай описывать вычитанное из Википедии, а то и просто скопированное: кто построил сей вокзал, с которого довелось ехать герою на СВО, когда жил инженер вокзала или скульптор привокзального памятника, сколько у них было детей, в каком году развелись и почему — и прочее, и прочее. Многие из конкурсантов, даже давние «члены СП», считают, что это проза и поэзия. И такое едва ли не сплошь и рядом. Ладно, если бы платили за тексты с «авторского листа», а то ведь гонораров как таковых теперь нет — просто качество писаний упало катастрофически.

Есть и другие типовые ошибки: прямая мораль, как в басне. Но в басне она как-то обыграна, а тут напрямую все выкладывается, о чем читатель должен был бы сам догадаться. Бог дал человеку свободу воли. Только сам Бог не ставит нам рамки действий и мыслей, а авторы ставят, да такие рамки узкие, словно игольные ушки. И как тут объяснить то, что чем талантливей писатель, чем интересней: своею мыслью и словом он идет не прямо, а только «по касательной», оттого

гораздо занимательнее его словесная и смысловая игра с читателем и ярче впечатление от произведения.

А ведь это самое главное: человек так устроен, что мнит себя свободным (да так и есть на деле и создано Богом, повторяю). Он имеет право свободно делать любые умозаключения (иногда противоположные тем, которые замыслил и пропагандирует автор). Чем выше талант писателя, тем чувствительней он к проблемам повседневной, современной ему жизни. Кроме того добавлю, что дар писателя состоит не только в умении доходчиво определять, называть и описывать, но и в способности показывать под разными углами «бытийность» и «со-бытийность» с самых неожиданных ракурсов, заражать читателя своим чувством, своим нервом. Только тогда — и мимолетное, и злободневное, и вечное тесно переплетутся, пересекутся и так интегрируются, так преобразуются, что начнут сверкать, играть и искриться живым, нетрафаретным словом. К сожалению, в нашей нынешней литературе, не только отправляемой дебютантами на конкурсы, но и в профессиональной, писательской литературе, наблюдается катастрофическое падение качества и прозы, и поэзии. Глубина этой пропасти увеличивается с каждым годом, что легко заметить и по текстам выпускаемых и премируемых ныне книг, и по содержанию литературных журналов-толстяков.

Однажды известного классика-литератора упрекнули в чрезмерной насыщенности событиями страниц его романов, причем событиями порой самыми неправдоподобными. Он ответил в том духе, что да, это так, но ведь и сама жизнь с ее правдой — тоже не всегда правдоподобна. Это к тому, что если ты все еще не классик, то проза должна быть все же правдоподобной, а главное — доходчива. Каждый из пишущих рано или поздно приходит к тому, что и язык, и сюжетная канва произведений не должны быть излишне замысловатыми. Совсем не стоит придумывать некие воздушные шары и громоздить их на воздушные замки. Простая повседневная жизнь и быт, если уметь слушать и наблюдать, дают ничуть не меньше поводов к размышлению и выводам, чем самые изысканные придумки. Да ведь так и было с далекими пушкинских, гоголевских времен или даже и того раньше: писателем, в полном понимании смысла этого слова, становится лишь тот, кто умеет выделить из сумбура и хаоса «безынтесной» повседневной жизни самое типичное и характерное. Не всякому такое под силу. Вот это и есть, пожалуй, то, что принято называть писательским талантом. С другой стороны, повторю опять, что не лучшего качества газетчина, вживляемая в художественный текст по неопытности литератора и из-за плохого вкуса, — одна из хронических болезней современной литературы.

Еще одна беда современной литературы — страсть к чернухе. Эта тенденция укоренилась особенно с восхождением так называемой «плеяды» наспех прославленных (на мой взгляд, вовсе незаслуженно) «молодых» (им уже за 40 и 50) «новых реалистов». Их так «разэкранили», так «рас-про-захвалили» на все лады, что, кажется, нынешняя критика робеет высказать объективное мнение о них. Ряд этих авторов представлены еще в начале 2000-х, например, в книге «Десятка». Нет никакого желания перечислять авторов и называть точные координаты этой книги, ибо вся она написана, что называется, «на грани фола» — с грязью и матерщиной. К слову, даже и сегодня в прямой, опять-таки, форме эти хваленые из хваленых и прославленные из прославленных говорят нам одно и то же, что жизнь настолько мерзостна и безнадежна, что читатель даже и представить себе не может. Вязкая, вонючая, с грязными кровавыми тампонами под кроватью, с бранью, скабрзностями и прочее, и прочее. Но если, скажем, В.Т. Шаламов имел право «собрать слюну во рту», чтобы «плюнуть в красоту», то эти набалованные, часто даже и бессемейные писаки просто мажут грязью все, что ни попадает в поле их зрения. И это выдается за нечто новое, за «новое слово» — и поощряется всяческими премиями.

Вообще, говорил и повторяю, что падение уровня нынешней литературы — просто жуткое, неспоставимое даже, пожалуй, с двадцатыми годами прошлого

века, когда отслеживали, к примеру, писателей и поэтов русского, крестьянского направления. Понятно, что наша жизнь давным-давно, с развала Союза, стала совсем другой, из нее ушла общинность, которая была в дореволюционной России и оставалось в Советском Союзе. Едва ли не каждый человек, а тем более — думающий писатель, сегодня гораздо более одинок, чем в прошлом веке, и совсем иной теперь и по мировосприятию, по взглядам, чем его родители. Мыслящий, пишущий человек одинок «на особинку», как планета среди планет: ведь он для того, чтобы писать, должен иметь всегда собственное мнение. Лишь имея собственную точку зрения, можно написать что-нибудь стоящее. «Умейте же беречь... / Наш дар бессмертный — речь», — сказал нам, пишущим на русском языке, наш незабвенный классик И.А. Бунин.

Русской литературе характерно сострадание к «маленькому человеку». Термин этот настолько прочно и обоснованно поселился в сердцах читателя едва ли не с года публикации «Станционного смотрителя». Нынешний «маленький человек» вынужден жить не просто при капитализме, к которому так и не сумел приспособиться после крушения великой страны в девяностые. Он вынужден жить теперь при капитализме вороватого олигархата, «капитализме со звериным оскалом». И что всего горше — этот «маленький человек» видит, как повседневно утверждается «брезгливость к жалости», которую, по словам одного отъявленного русофоба-модерниста, мы должны культивировать повсюду, торжествует насмешка над православной верой, над национальным достоинством русского народа, над потомками поколения победителей, участниками СВО. Настоящая национальная литература нашей страны должна противостоять этому каждым своим словом.

Литература — наша проекция в будущее. А какой она будет с появившимися теперь нейросетями, с неминуемым уже искусственным интеллектом — тем «интеллектом», который начал компилировать и бездушные стихи, и замысловатую прозу, книги, даже картины? Этот искусственный интеллект — еще тот «райтер» — к чему приведет? Ему не нужно ни спать, ни питаться. И главное — он бездушен, не умеет любить. Но вспомним здесь главную христианскую заповедь: человек без любви ничто, «медь звенящая или кимвал звучащий». Вот почему жизнь сегодня для художника, создателя слова и образа, книг, причем одушевленных, обретает особый смысл и назначение.

Андрей РАСТОРГУЕВ

(г. Екатеринбург),

*поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей
и Союза журналистов России, кандидат исторических наук.*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

*— Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!*

Конечно, эти пушкинские строки 1826 года изначально возникли в сугубо лирическом стихотворении. Однако за почти двести лет они прочно вошли и в социальный обиход. Ибо время каждому из нас то и дело показывает, насколько он зависим от иллюзий, которые рождают современное общество и те, кто им стремится управлять. А для этого сплошь и рядом — манипулировать нашим сознанием.

Возможно, в частности, кому-то мудрому удалось удержаться от иллюзий на рубеже 1990-х годов, когда перестройка, обещавшая исправить недостатки советского общества, вприпрыжку добежала до разрушения, казалось бы, неизбежной страны. Однако перекладывать всю ответственность за тогдашние события исключительно на Горбачева и Ельцина, как это часто делается сегодня, думаю, весьма некорректно. По сути — тоже современная иллюзия, продвигаемая для той же самой манипуляции.

Возможно, в «нулевые», когда жить при новом Президенте вроде бы стало легче, мудрых уже оказалось побольше. Однако и тогда, и еще долгое время после весьма многим из нас понравилось ощущать себя частью большого мира. Когда ты свободно получаешь загранпаспорт, пересекаешь границу — и через несколько часов оказываешься в Европе, Египте, США, Китае, Таиланде... Причем на все это можно при желании накопить, даже не будучи олигархом.

Два года назад, например, когда мы с женой побывали в Стамбуле, в одной с нами туристической группе были учителя из Белгорода. Хотя, понятно, учителя — не самые богатые из россиян. А Белгород уже тогда атаковали украинские дроны и артиллерия.

Турецкое окно, через которое можно добраться до той же Европы или просто до Средиземного моря, еще действует. Но в любой момент могут перекрыть и его. Остаются Восток и Юг, но они менее привычны. Безусловно, есть что посмотреть и дома, в России. Но ощущения чуть другие.

Налицо — новый крах популярных иллюзий и мифов о стабильном глобальном мире и возможностях России в нем (по аналогии с советскими временами — нового варианта иллюзий о светлом будущем). Он мне представляется одним из главных вызовов сегодняшнего времени. Открывшееся, казалось бы, огромное пространство снова уменьшается, схлопывается. А Россия, которая сама по себе огромна, тоже оказывается под угрозой. Поскольку призывы развалить, раздробить ее на несколько десятков самостоятельных государств сегодня звучат уже из отнюдь не маргинальных уст. И к этим призывам приходится отнестись вполне серьезно.

То есть жертвы, которыми в конце прошлого века стали большая страна и немалое число ее граждан, фактически оказались напрасными. Вроде бы немножко порасслабились — разумеется, те, кто выжил в 90-е и нашел себя в «нулевые» и далее — и снова надо собираться в кулак. Ради чего и кого, на каких условиях — в том числе социально-государственного и социально-экономического устройства — ясно далеко не всем. Хотя если самый главный вызов — переустройство мира и борьба России за достойное место в нем и вообще сохранение своего существования, то разного рода вьедливые вопросы вроде бы надо отложить в сторону.

Однако и они, такие вопросы — часть этого вызова. Например, издержки массового общества, которое создано и у нас. Неслучайно звучат высказывания, что и для России стали характерны усреднение, обезличивание, рост социального неравенства, имущественный, моральный и даже географический отрыв значительной части элиты от родной почвы, стремление сформировать из народа толпу и манипулировать ею.

В то же время военные действия в рамках СВО, которая, по мнению многих, уже стала частью разворачивающейся сегодня Третьей мировой войны, естественным образом укрепили призывы к защите Родины, патриотизму, попытки вернуться к системе патриотического воспитания, начального военного обучения в школах. Снова и снова встает вопрос о том, за что стоит рисковать жизнью и отдавать ее — высокие идеи или, казалось бы, большие деньги. И о том, как они сочетаются друг с другом.

Стремление управлять всем и вся неизбежно содействует в том числе центра-

лизации общественно-государственного устройства. Здесь предмет обсуждения — не сама эта тенденция, а вечный вопрос о балансе между, скажем, управлением «сверху» и самоуправлением, монархией и демократией. Об этом спорили еще античные философы. Ибо неустойчивыми могут быть как сверхцентрализованные системы, так и те, которые пренебрегают ролью государства. И то, и другое мы проходили на собственной практике.

К вечным вызовам можно отнести и неоднородность элит, которую в современном изводе нередко именуют борьбой кремлевских башен. А стремление к технологическому суверенитету напоминает и про необходимость оставаться на высоте развития современных технологий, которая предостерегает от нового «железного занавеса». Ныне, впрочем, его целенаправленно возводят с той стороны.

Начатый мною список вызовов, скажем так, второго порядка, безусловно, можно продолжать. Просто по собственной профессиональной склонности я сделал упор на социально-политические. А в области собственно культуры он наверняка окажется не меньше. Впрочем, и там он будет иметь социальное содержание. Поскольку настоящая русская литература никогда не исчерпывалась «чистой» филологией, всегда имела общественное звучание, играла социальную роль.

Иные, впрочем, могут сказать: была — да сплыла. Ибо нынешней склонностью публики к смотрению, а не к чтению вполне можно объяснить и долгое пренебрежение «серьезной» литературой со стороны государства. Это в XX веке литература была значимым инструментом влияния на массы. С этим можно связать и предпочтение, которое оказывало ей Советское государство. А когда сегодня на умы гораздо больше слова воздействует оцифрованное видео, то вроде бы и поддерживать это слово особенно незачем.

Людей, разделяющих эту точку зрения — что поддерживать незачем — немало. Многие из них явно влияют на властные решения, а также имеют широкий доступ к системе издания и продвижения коммерческой литературы. Однако и приверженцы противоположной точки зрения имеются. Есть у них и своя система издания и продвижения, хотя и развитая намного слабее.

В последнее время эти приверженцы несколько усилились. Однако я сейчас не о ресурсах, а о неоднородности литературного сообщества и соответственно литературы, отчасти воспроизводящей неоднородность общества.

Разделение, о котором я сейчас говорил, в литературном контексте обычно представляется как противопоставление «патриотической» и «либеральной» литературы. Иные варианты разделения, отнюдь не всегда совпадающего с предыдущим, можно представить другими парами — реалистическая и постмодернистская, массовая и элитарная, столичная и региональная (слово «провинциальная» здесь не употребляю сознательно), коммерческая и «бесплатная» (это когда автор издает свои творения сам и сам же их распространяет, отнюдь не за деньги).

Наверное, и здесь перечисление можно продолжать — равно как и обсуждать содержание упомянутых определений. Однако сейчас не вижу в этом необходимости. В данный момент, на мой взгляд, важно зафиксировать, что подобно обществу, частью и отражением которого она является, литература неоднородна. Вместо одной монолитной пирамиды — несколько пирамид поменьше. Поэтому и на вызовы, в том числе упомянутые нами, разные изводы современной русской литературы отвечают по-разному.

Чтобы представить сколько-нибудь полную картину как всего поля отечественной литературы, так и ее ответов на современные вызовы, очевидно, необходимо специальное исследование. А для него, в свою очередь, требуется немало времени и информации обо всех актуальных литературных произведениях. Сделать это в сегодняшних условиях в одиночку вряд ли удастся. Но как минимум часть этой картины сложить нашими общими усилиями наверняка возможно.

Например, «либералы» и постмодернисты уже несколько лет делают вид, что этих вызовов, в том числе войны, просто не существует. Продолжая тем самым линию на то, что настоящее искусство, по их мнению, вообще не должно отвлекаться на какие-либо социальные процессы и явления. Мол, оно должно интересоваться исключительно отдельной личностью, ее переживаниями — которые, возможно, возникают в непосредственных контактах со Всевышним, космосом или еще какими-нибудь вариантами Абсолюта.

Обычно традиционной для русской литературы называют иную позицию, патриотическую, сторонники которой отнюдь не чужаются социальности. Однако и позицию индивидуалистическую воспроизводит уже не первое поколение отечественных литераторов, так что традиционной можно назвать и ее. При этом она отнюдь не свойственна только элитарной литературе.

Многие тексты, ориентированные на массового читателя — если, конечно, таковой еще остался, тоже отнюдь не спешат погрузиться в острые проявления реальности. И тут уже возникает следующий вопрос: а может быть, массовый спрос действительно таков? Может быть, еще оставшиеся читатели действительно берут в руки книгу только тогда, когда хотят забыться, отвлечься от доставшей их реальности?

За элитарной литературой, наверное, можно признать и пристальное внимание к обновлению формы. Во всяком случае, за ее поэтической частью. И в этом смысле такого же внимания хочется подчас от литературы, которая стремится быть патриотической. Ибо истины, которые воспринимаются «правильными», про которые мы хотим, чтобы они овладевали умами, ничуть не меньше, а гораздо больше нуждаются в постоянном обновлении. И в этом заключается еще один из многих настоящих, а отнюдь не иллюзорных вызовов, стоящих сегодня перед нашей страной и ее литературой. Во всяком случае, той ее частью, приверженцами которой, так понимаю, являются собравшиеся здесь коллеги.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

(г. Воронеж),

*литературный и театральный критик,
публицист, председатель Совета по критике
Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Подгём».*

РУССКИЙ ХУДОЖНИК В РОДНОМ ОТЕЧЕСТВЕ

Говоря о процессах, формирующих духовный облик современной России, следует специально заметить: в нашем культурном пространстве еще сильны и во многом демонстративны вчерашние фактические приоритеты, а тенденции к обновлению творческой практики в литературе и, особенно, в театре не являются широким художественным фронтом, но, скорее, напоминают проблески солнца на однотонно сером угрюмом небе.

Беззаботны в своем выборе лауреатов российские литературные премии. Как и прежде, книжные полки реальных и сетевых магазинов завалены беллетристикой, которой интересны не грозные геополитические перемены в мире и судьба корневого русского человека, но частные истории с социально-психологическим оттенком — они и составляют основной массив книгоиздательской продукции. Именно так, подчеркнуто технологически, стоит определять результат неумной деятельности подавляющего большинства отечественных издательств.

Несомненно, специальная военная операция сделала более требовательными и пожелания думающих и ответственных читателей — думающих о смысле происходящего в окружающем мире и ответственных за семью, родную землю, традиционную русскую культуру. Издаются произведения-свидетельства о военном времени, о схватке с темной силой, которая являет себя в боевом и социальном обиходе, в конкретизации и альтернативном понимании онтологически безусловных Добра и Зла. Однако минувшие тлетворные в культурном и нравственном очертании десятилетия до такой степени переполнили уже привычной имитацией искусства современный социум, что даже и сегодня действительно достойные книги прозы и поэзии представляются лишь отдельными островками в буржуазном словесном болоте, в которое, увы, превратилось многоцветное и многопредметное литературное поле когда-то самой читающей страны в мире.

Вглядываясь в поэзию и прозу настоящего дня, почти всегда обнаруживаешь отчетливое разделение литературы по линии «русского начала». В одних произведениях (и сегодня они активно присутствуют в информационной среде, чего не скажешь о прошлых литературных сезонах) отношение к отечественной истории и культуре, к воспитанию молодого поколения узнаваемо-традиционное, — можно даже не подчеркивать определение «русское». Здесь есть мера высказывания и взвешенность суждений и изображений, ответственность перед правдой и личной совестью, и уже это связывает укорененные русские вехи с более обширными понятиями — доброты и мужества, самопожертвования и любви, чистоты и затаенного счастья...

В других книгах подобные акценты воспринимаются как риторика, а приобретают вес и значение частные предметы и устремления только потому, что они вписаны в индивидуальное существование вполне конкретного персонажа, для которого все иное, чужое и самостоятельное, экзистенциально не существует. Особенно этот феномен проявляется в буржуазно-либеральной поэтической практике.

Понимая такие два вектора как отражение полярных ответов на вызовы времени, неизбежно приходишь к достаточно красноречивым характеристикам постсоветской эпохи: более четверти века Россия существовала с попоранной и проданной за гроши душой, и только несколько лет как ситуация начала меняться, и ранее спрятанные, словно «немые» высокие слова снова не только обрели звучание в культурном пространстве, но и стали очень часто произноситься спокойно, без трибуного накала, обозначая нечто должное — и очевидное для все большего числа наших современников.

В этих противоречивых обстоятельствах встречаются и ситуации, когда некий «творческий продукт», обозначаемый как патриотический и гражданственный, на самом деле является очередным клоном все той же беспочвенной и безродной литературы, где дурман антирусской риторики закамуфлирован, порой даже без особенного авторского старания.

В таком контексте иные фигуры «токсичного», как принято сейчас говорить, содержания, в реальности совсем не изменяя давним собственным установкам, просто произносят идеологически «правильные» слова. Лет пятнадцать тому назад Александр Проханов в газете «Завтра» с печальной иронией заметил, что однажды мы увидим Чубайса в косоворотке и Новодворскую с балалайкой. Очевидно, время такое пришло. В театре наглядный пример того — Константин Богомолов с его барабанными патриотическими тезисами и спектаклями, откровенно разрушающими русскую драматургическую классику.

Итак, литературный процесс в современной России предстает как вереница очередных книг, издательских рекомендаций и премиальных отличий авторов, чьи имена в широком читательском обиходе появились еще вчера. И дополняется проходными дебютными произведениями писателей, о которых мы ранее не слы-

хали, сегодня увидели на книжной витрине, а назавтра... благополучно о них забыли. Издательства раз за разом предлагают читателю не новое слово о действительности, а очередную более-менее живенько рассказанную байку того или иного «текстостроителя».

Между тем существует целый пласт прозы и поэзии совсем иного достоинства. Он отражает саму нашу жизнь, а вовсе не стремится продемонстрировать умение автора складывать случайные слова в «прикольные» фразы и веселые, житейски узнаваемые истории. В толстых литературно-художественных журналах подобных писательских имен и произведений, написанных не от внутренней скуки, а от жажды назвать и понять настоящее время, немало. Разумеется, речь идет не о тех изданиях, что чормились с руки Сороса.

А потому в нынешние месяцы и годы нам важно вновь обрести национальное, отечественное литературное пространство, где найдут отражение картины реального мира и движения души современного человека, его отклики на важнейшие события, рядом с которыми автор дышит и существует. И на этой почве позже возникнут яркие имена и книги, преодолевшие злобу дня, которые станут приметой будущего.

Есть две вещи в современной литературе, как бы разрешающие читателю относиться к ней с известным недоверием.

Первое, как ни парадоксально — умение и привычка автора писать. Умение и привычка. Данное двуединство, самоповторное и самонадеянное, порой называемое литературным профессионализмом, на деле довольно часто не позволяет писателю и поэту создать подлинное художественное чудо.

И второе обстоятельство, в противоположность названному, — это неспособность или нежелание пишущего преодолеть свою филологическую и творческую слабость и подняться до упомянутого профессионализма. Чтобы затем, отринув его, — предстать новым, неожиданным прозаиком или поэтом. Яркий пример похожего преобразования в нашей литературе есть: так постоянно обновлялся в своем творчестве Александр Блок, у которого стилевые и интонационные приметы в произведениях разных лет иной раз поразительно отличаются друг от друга.

Недоверие читателя к писательскому слову потом непременно уйдет, если будет воссоздано уже обозначенное литературное пространство — в чем-то первичное, но и повторное, будто нарушающее древнюю мысль о том, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Русская литература в разные эпохи отступала от своих вчерашних основ, но позже возвращалась к почти забытым старым урокам, обретая в том новую творческую силу и новый ясный взгляд на русский быт, на русское бытие.

Повторим еще раз: современная отечественная литература в минувшие десятилетия была заморочена чуждыми русскому мировосприятию буржуазными установками. В поздние советские годы, еще до слома политических основ нашего государства, появился сомнительный филологический термин «амбивалентный человек», подразумевающий в герое соединение хороших и плохих свойств. Тогдашнему писателю предстояло разобраться в том, почему социум неуклонно теряет собственные творческие силы, и понять, как сохранить общественное единство, не столкнув лбами «честных созидателей» с лукавыми эгоистами и персонами с разрушительным складом ума. Увы, в новые капиталистические десятилетия российские литераторы сосредоточились не на поисках истины, а на изображении тьмы в человеке. Однако такой путь не приближает нас к Свету и, напротив, способствует распространению и утверждению зла на земле.

Именно потому — даже не рационально, а, скорее, бессознательно и интуитивно — русские писатели настоящего времени как за спасительную соломинку ухватились за уже почти не звучащие в замутненной ноосфере, растоптанные в бур-

жазной России понятия: зрора и чистоты, подвига и самопожертвования. И внешне возник своего рода резонанс: литература обращается к высокому — а читатель, в свою очередь, требует от нее именно такого творческого выбора.

Не вчера появилась в нашей литературе проблема взаимоотношений «отцов» и «детей». Но и сегодня в ней «отцы»-почвенники жаждут обрести продолжателей своего творческого дела в «детях», что придут на смену. Зрелость старшего поколения писателей во многом обусловлена целым рядом общественных и личностных сломов, которыми отличалась общественная жизнь едва ли не за полувековую — нет, почти за вековой период. Прививка нравственности и внутреннего долга определенно дисциплинирует художественный талант. Между тем, после разрушения советских идеологических скреп в «поколении отцов» произошли некие внутренние душевные переустановки. Эти изменения настойчиво внедрялись захватившим командные позиции в культуре буржуазным социумом. А он принялся внушать свои идеи писательскому сообществу и предъявлять к творцу новые требования: привычку быть только профессионалом, никому ничего не должным, за исключением издателя, отношения с которым жестко прописаны в договорных бумагах. Это поветрие развратило многие сердца — при том, что речь идет о людях, проживших на белом свете и всякое повидавших на своем веку.

Иное дело — молодое поколение. Не знавшее живого подвижничества советских лет, оно с голодным энтузиазмом глотало последовательно вбрасываемый информационный мусор с обозначением «тяжкое социалистическое прошлое». Но личного опыта проживания прежней эпохи не было, и так часто повторялось в разных ситуациях: «Они же дети...». Дети, рожденные и воспитанные в иные времена, которым не пришлось меняться — и они как с чистого листа теперь воспринимают «капиталистический рационализм» в качестве единственно возможного образа поведения.

Время движется, и действующее сообщество современного литературного поля меняется. Сегодня постепенно уходит плеяда писателей-стариков — очень пестрая, но авторитетная и художественно состоятельная... О наследующих им лучших авторах полувекового возраста мы думаем с уважением. Однако с некоторым усилием вписываются их имена в категорию мастеров — прежде это творческое «взросление» и самостояние было более естественным и постепенным... Не обретшие в изменчивом социальном бытии внутренней опоры «молодые литераторы» сорока лет от роду, зачастую литературно одаренные, мечутся в поисках значительной темы. Но филологическая всеядность мешает многим из них создать произведение, где будет больше внешнего мира, бескрайнего и драгоценного, чем душевного смятения, изнузившего западную литературу предыдущего столетия... И, наконец — «зеленая молодежь», среди которой присутствуют дарования яркие, но пока — никак не последовательные, не обладающие православным стоицизмом и психологическими устоями человека твердого, знающего цену родовой памяти... Дай Бог обрести их.

Современное устройство общества потребления, алчно настроенное на поглощение мира России — Русского мира, неуклонно стремится изменить духовную ситуацию в худшую сторону и в культурной, в писательской среде, разными способами оказывая давление на всех и на каждого. В наши дни военные действия в украинском регионе, на западной окраине нашей страны разрушают это пагубное влияние. Появляются новые литературные голоса. Они звучат искренно, живо, сострадательно и мужественно, что рождает надежду и, одновременно, предчувствие новых испытаний.

Кажется, перед нами — время переустройства русского творческого духа. И его пока еще скрытой грядущей схватки с чудовищами либерального образца. Хочется верить, что измученная, во многом изуродованная отчая земля обретет когда-то мир и чувство спокойно текущего времени. А умный и совестливый современный писатель станет понимать и утверждать себя русским художником в родном отечестве.